

Сибирский университет потребительской кооперации
пр. К. Маркса, 26, Новосибирск, 630087, Россия
E-mail: Karmazin.88@mail.ru

ПРОБЛЕМА ДИВЕРГЕНЦИИ КУЛЬТУРЫ И СОЦИАЛЬНОЙ СИСТЕМЫ

В статье интерпретируются причины современного культурного кризиса. В качестве основной линии детерминации кризиса предполагается фундаментальный процесс «дивергенции» культуры и социальной системы, производный от противоречивых тенденций персонализации и деперсонализации социальной реальности.

Ключевые слова: социальная система, культура, контркультура, персонализация, деперсонализация, отчуждение.

Согласно известному афоризму, каждая культура сама производит те яды, которые ее отравляют. Современное, по всеобщему признанию, кризисное состояние общества и культуры, наличие сильных и влиятельных контркультурных мотивов и направлений, актуализирует вопрос о сущности и истоках этих негативных процессов, об источниках «ядов», отравляющих культуру. Ответ можно искать во многих знаменитых философских теориях, постулирующих тезис о цикличности культурного развития и концептуализирующих внутренние механизмы деградации и упадка культуры. П. Сорокин, изложивший в работе «Кризис нашего времени» одну из наиболее известных и влиятельных концепций, интерпретирующих негативные процессы культурного и социального вырождения, особое внимание уделил при этом судьбе того типа культуры, который он обозначил понятием «чувственная» и который, исходя из оснований его типологии, в наибольшей степени соответствует ее современному состоянию. Признавая сложность и многомерность проблемы оснований и внутренних механизмов социокультурной деградации, допуская возможность принципиально различных исследовательских стратегий в интерпретации «кризиса нашего времени», обозначим в качестве потенциально эвристичного направление исследований, которое акцентирует особую тему – нарастание противоречий в развитии социально-системного и культур-

ного аспектов социальной действительности. Эта тема может быть обозначена в качестве проблемы дивергенции социальной системы и культуры, на нее указывают классики современной общетеоретической социологии Д. Белл [1999. С. 645–650] и Н. Луман [2007. С. 224–225]. Наиболее сжатой и точной формулировкой данной проблемы представляется следующее рассуждение Д. Белла: «В западном обществе на протяжении последних ста лет, как я полагаю, нарастала разделенность социальной структуры (экономики, технологии и системы занятости) и культуры (символического выражения смыслов), каждая из которых определяется своим осевым принципом. Социальная структура уходит корнями в функциональную рациональность и эффективность, а культура – в антиномичное оправдание развития личности» [1999. С. 647]. Итак, конфликт социальной системы и развивающейся личности – такова сущность происходящей дивергенции, и здесь же следует искать глубинные истоки современной контркультурной деградации. Речь идет о том, что главным, наиболее фундаментальным противоречием современности является антиномия двух ее главных императивов: принципа персонализации, который реализуется в рефлексивном самоощущении личности, и принципа деперсонализации, который проявляется в экспансии сил «абстрактной системы». Для обозначения данных двух принципов можно использовать

также понятийную оппозицию субъективация / объективация – имеется в виду противостояние безличного системно-ролевого начала человеческой жизни и индивидуально-личностного начала, имеющего своим «фокусом» внутриличностную инстанцию Я-субъекта. Неверно было бы считать, что противоречие по линии персонализации / деперсонализации человеческой жизни образует «вечную» тему философии и культуры. В предшествующие эпохи эта тема присутствует лишь в зародыше. Именно современная эпоха, широко трактуемая в качестве Нового времени (эпохи модерна), предельно обострила внутренние противоречия человеческой жизни по линии субъектности / объектности.

Наиболее существенное различие факторов сознания и самосознания, присущих социальным системам «традиционного» и «посттрадиционного» типов, на языке современной теоретической социологии обозначается в противопоставлении принципов «внешней» и «внутренней» референции. Внешняя референция – это доминирующая ориентация на объективированные в культуре и социальных институтах нормы и образцы действия. Термин «внутренняя референция» указывает на доминанту обращенности к внутренним «инстанциям» и критериям, ориентацию личности на решения исходя из собственного выбора, а не из опоры на внешние условия и обстоятельства. Как пишет Э. Гидденс, рефлексивность – свойство личности, развиваемое институтами и социальными отношениями модерна, – это обратная сторона его общей установки на внутреннюю референцию [Giddens, 1991. P. 148]. Императив рефлексивности, возводящий в статус морального долженствования создание «проекта себя» и сознательно определяемого концепта собственного жизненного пути, образует фундаментальное основание тенденции персонализации культуры и выдвигания на первый план ценности свободы.

В качестве главных черт новоевропейской культуры обычно называют индивидуализм (персонализм) и активизм – ориентацию на деятельность, на самореализацию и самоутверждение в деятельности, в целедостижении. На каком-то этапе развития эти черты, изначально вполне гармоничные, должны были столкнуться в противоречии.

Деятельность в своих развитых, системно структурированных формах требует безличной функциональности, поэтому личность, развивая начала «внутренней референции», все более возвышает персоналистические ценности и отчуждает себя от системно-оформленной деятельности. Реальность социальной системы неизбежно задает императив частичности индивида в качестве носителя ролевой функции, и поэтому требование частичности так же реально выражает дух модерна, как и требование целостности и автономии Я. Это стало проблемой Нового времени не потому, что социальные отношения предшествующих эпох не знали ролевой функциональности. Напротив, во «внешне референтной» системе ролевая функциональность была еще сильнее выражена, но при этом она была столь фундаментально встроена в самосознание личности, что лишь в редких случаях осознавалась как нечто внешнее и потенциально отделимое от личной судьбы – чужое. Роли – анонимные «правила игры» – были настолько персонифицированы в жизни и самосознании людей, а с другой стороны – сакрально и соборно санкционированы в культуре, что их анонимный и функциональный смысл был слабо отрефлексирован, если вообще становился предметом рефлексии. Именно эпоха модерна радикально изменила ситуацию осмысления социальной практики и отношения к ней: возникающая внутренняя дистанция по отношению к ролям обнажила анонимность системы и ее «чуждость» личности. Отныне «внутренне референтная» и рефлексивная самотождественная персона дистанцирована от ролей как элементов социальной системы и в определенном смысле противопоставлена им в ситуации самоопределения. Таким образом, проблематизация персональной идентичности в эпоху модерна проблематизировала и идентификационный статус системы, ее место в душе человека. Кроме того, сама «частичность» личности как императив социальной системы с ее доминированием принципа функциональности стала проблемой только тогда, когда на другом полюсе социальных отношений оформился и стал воплощаться в жизнь, в реальное самосознание людей императив целостности Я – принцип внутренней референции и доминанты «собирающей» внутриличностной инстанции Я-субъекта.

Тот факт, что персональная идентичность может быть внешне референтной и внутренне референтной, противопоставляет мотивационные и ценностные комплексы традиционного и посттрадиционного типов общества в их отношении к социальному порядку («порядку существования»). Внешне референтная идентификация может быть идеально встроена в систему, практически совпадать с ней, поскольку она в тенденции воспроизводит персональную одномерность, целостность «душевной простоты». Внутренне референтная идентификация, основанная на рефлексивности и Я-субъектности, ориентируется на личностную многомерность и автономию, на идеал душевной сложности и потому потенциально нелояльна к системе. Также и ситуации ролевых конфликтов, ставшие почти перманентным жизненным фоном для множества людей в посттрадиционном обществе, способствуют рефлексивному отчуждению от системы.

Тенденцию развития внутренней референции в качестве доминанты современной культуры и самосознания эпохи модерна не следует абсолютизировать. Социальные обстоятельства в условиях сколько-либо развитого общества никогда не бывают просты и однозначно интерпретируемы. Они всегда содержат потенциал разнонаправленных тенденций – личностной автономии и гетерономии, совершенствования и деградации, многомерности и одномерности. В этом плане массовый человек и массовая культура – такое же порождение посттрадиционного общества, как и развитая индивидуальность. Поэтому ситуация распада самосознания людей на функции, самоотождествления с функциями и социальными стандартами, не утрачивает актуальность и в эпоху позднего модерна. Однако, несмотря на «восстание масс», духовная ситуация нашего времени отнюдь не тождественна духу предшествующей (традиционной) эпохи. Массовый человек мало отличается от кланового и сословного человека, но регрессивный массовый тип сознания и поведения утратил в культуре модерна моральную санкцию и безальтернативность. Духовная ситуация модерна проявляется как в тенденциях, работающих на возвышение и нормативность этого типа, так и, напротив, в тенденциях, направленных на понижение его духовного статуса и критику данного

типа самосознания в логике морального императива ценности индивидуальности, должностности «быть самим собой».

«Массовый» человек и «индивидуальный» человек находятся в различных отношениях с системными модусами в плане самоидентификации, самоопределения по принципу «свой – чужой». Для «массового» человека, не усложняющего собственную жизнь этосом личностной уникальности и душевной автономии, порядок существования вполне может быть своим, «родным». Для внутренне референтной личности порядок существования потенциально чужой. Анонимные и всеобщие инстанции социального бытия воспринимаются как носители частичности, обезличенного «тождества». В индивидуальном бытии доминирует мотив целостности и «различия», личностной уникальности и «подлинности». Причем социальный порядок дифференцируется: социальные обстоятельства интерпретируются в понятийных оппозициях «личность / культура» и «личность / социальная система». Первая из этих оппозиций не абсолютна, особенно в условиях стремительно развивающейся персонализации и субъективации духовной культуры эпохи позднего модерна. Герой этой эпохи – творческая индивидуальность рефлексивного типа – не признает верховенства анонимных всеобщих инстанций культуры по отношению к себе, к суверенитету своего Я. Вместе с тем анонимные и всеобщие нормы и образы, референции «тождества», создаваемые в сферах искусства, науки, морали и религии, для него потенциально «свои». Более того, он постоянно апеллирует к ним, к их общечеловеческому смыслу, освобождаясь от локальной ограниченности групповой идентичности общинного типа. Поэтому для героя эпохи модерна духовная культура – потенциально опора, в то время как социальная система – почти однозначно угроза. Он в первую очередь нелоялен именно к системе, хотя, как показывает оформляющаяся в последнее столетие европейской истории феноменология контркультуры, потенциальную лояльность рефлексивной творческой личности по отношению к культуре не следует преувеличивать. Согласно общей логике «лояльности», культура, в конечном итоге, ориентирует на субъектность, целостность и самоценность Я – т. е. возвышает, а система маркирует частичность

и превращает в средство – т. е. унижает. Поэтому идеал личностной целостности и автономии противостоит, главным образом и в первую очередь, императивам социальной практики – деловитости и успеху.

Между тем культура и система растут из одного корня; это две стороны одной медали, которые не могут быть разорваны и противопоставлены друг другу. Невозможно социально-практическое содержание эпохи (мир деятельности и социальных отношений, социальных ролей и функций) изолировать от «духа эпохи» – присущей ей системы знаний и ценностей, конденсирующихся в артефактах культуры. Для формирующегося самосознания личности – субстанционального Я – отношение к этой по сути единой, но остро конфликтной социокультурной реальности является ключевым аспектом самоопределения. Содержательно это вопрос о степени самоидентификации с культурой и системой, а также о формах такой идентификации. Если данный вопрос не отрефлексирован, возможна ситуация борьбы против собственной единственно возможной жизненной опоры. Или ситуация отрицания социокультурных оснований человеческой жизни вообще, что весьма наглядно проявляется в современных критических и контркультурных течениях.

Обозначенные Д. Беллом «осевые принципы» культуры и системы, которые можно интерпретировать в качестве принципов персонализации и деперсонализации, при всей их очевидной противоположности антиномичны относительно. Между ними существует и глубокая связь: не случайно культура личностной автономии, творческой самореализации и персонального самотождества оформляется именно в период становления формально-рациональной социальной системы. Д. Белл прав в том, что разделенность усиливается и противоречия нарастают. Система, хотя у нее есть свои мощные рычаги влияния, все больше проигрывает, потому что «чужая». В современных междисциплинарных дискурсах такая ситуация обозначается понятием «кризис идентичности». Во внутренне референтной персонализированной культуре люди все меньше способны идентифицировать себя с модусами безличной системы. Несомненно, у системы имеются свои успехи и достижения в мире человеческих ценностей. Примерами могут быть профессионализм в

качестве добродетели, деловой успех в качестве идола. Однако сам осевой принцип системы – функциональная рациональность – утратил моральную санкцию. Люди интуитивно воспринимают «бездушные», безличность социальной функциональности как грех, а потому служение системе во многих случаях ощущают как вину. В целом система воспринимается в качестве начала, антиномичного свободе. В отношении безличных «системных начал» развитое рефлексивное сознание тяготеет к негативным оценкам, и в конечном итоге система предается анафеме, особенно в интеллектуальной и творческой среде.

Столкновение двух модусов человечности и свободы – внутренне цельной самотождественной личности и субъекта социального действия в современном социуме акцентируется и обостряется. Условно говоря, оно представляет собой «испытание индивидуальной души социальной практикой» (Л. М. Баткин). В этом испытании – подлинный драматизм эпохи модерна с ее, как оказалось, фундаментально противоречивыми базовыми ценностями, утверждающими одновременно персонализм и активизм, опору в себе и опору в социальных обстоятельствах – объективациях знания, деятельности, чужой и собственной функциональности. Иначе говоря, противоречие, сталкивающее «необходимость себя» (персонализм) и «необходимость дела» (активизм), необратимо встроенное в систему социальной практики – вот подлинная коллизия новоевропейской свободы и культуры в целом. В классическом либерализме европейского Просвещения индивидуализм и активизм существовали в неразрывном смысловом единстве. Однако рожденная этой эпохой и развивающаяся на ее основе все более сложная система разделения деятельности и обмена одновременно породила автономию Я и проблематизировала ее в «отчуждении». Так обозначается противоречие целостной самотождественной автономной персональности и социально-системной ролевой функциональности.

В этом противоречии – глубинной антиномии свободы – ни одной из столкнувшихся сторон нельзя пожертвовать. Невозможно пожертвовать принципом целедостижения и социальной практикой, отказаться от активизма и деятельности, которые в своем системном разворачивании тяготеют к общно-

сти («тождеству»), нормативности, объективности и частичности (функциональности) индивида. Человеческой жизни и свободы без целедостижения не бывает. С утратой статуса субъекта действия личность утрачивает основания собственного суверенитета и предикат человеческого достоинства. Вместе с тем социальное действие требует не только персональной субъектности (целостности и автономии), но и персональной объектности (частичности и гетерономии). Социально-системный императив объектности человека по смыслу своему несовместим с ценностью индивидуальности и принципом персонализации. Тем более невозможно отказаться от целостности индивидуальной души – принципа самотождественной персональности, пребывающей в статусе ценности-цели современной культуры. Этот принцип тяготеет к апологии уникальности и «различия», которая по своему общему смыслу несовместима с частичностью и объектностью «системного» человека.

В свободе столкнулись само-тождественность (цельность и субстанциальность Я) и ино-тождественность – частичность и реляционность «обстоятельств», без которых, однако, ни одно Я не существует. Альтернативные стратегии свободы (самоопределения), обозначаемые сторонами данного противоречия, в их последовательном разворачивании образуют либо гипертрофированную персонализацию – «рабство у себя», аутизм и нарциссизм бездействия, культурный нигилизм; либо гипертрофированную деперсонализацию – мифологию «коллективной личности» с ее поэзией «слияний» и «растворений», бездумный конформизм и безличную функциональность. Эти два «демона рабства под маской свободы» (С. Левицкий) не являются для свободы чем-то внешним и чуждым, навязанным чьей-то злой волей. Они ее собственные порождения, вырастающие из двух ее имманентных свойств, утративших внутреннюю связь и соразмерность. В силу утраты взаимного ограничения и соразмерности, они превращаются в самодовлеющие сущности, трансформируясь в «демонов рабства».

Свобода может существовать, только совмещая в себе эти несовместимые начала. Всякая попытка разорвать противоречие и избавиться от одной из его сторон означает самоуничтожение свободы. Контркультура с ее главными интенциями отчуждения от системы и разрушения системы необра-

тимо движется в направлении апологии невинности, создавая нормативный образ свободы как «оргии», «состояния после оргии» (Ж. Бодрийяр).

Отмечая саморазрушительный деструктивный характер тех форм отчуждения Я (персонализированной культуры) от системы, которые переходят в противопоставление и разрыв, мы должны вновь подчеркнуть: само отчуждение личности от «порядка существования», напряжение противоречия между субъектностью личности и объектностью системных форм социальной деятельности является необходимым условием развития Я и его свободы. Более того, это необходимое условие существования и развития самой системы в ее сложных и развитых формах. Парадокс заключается в том, что полное отсутствие данного противоречия, напряжения противостоящих начал, зафиксированного в смысловой оппозиции социальной системы и персональности (персонализированной культуры), означало бы бесконфликтное тождество «самости» и системности. Это не является знаком свободы, но маркирует лишь неразвитость личности, ее самосознания и самотождества, либо ее деградацию. Только в своих радикальных формах отчуждение может оцениваться в качестве процесса деструктивного в своей сущности. Полное отсутствие отчуждения означало бы стойкое доминирование в самосознании людей принципа внешней центрации, содержательно – доминирование объективированных типизаций и функций. Это ситуация, когда социальные маски прирастают к лицам живых людей, пребывающих в состоянии объектности. Именно развитие Я-субъектности (автономной индивидуальности) продуцирует отношения напряжения и конфликтности двух начал человеческого бытия – субъективного и объективированного. В этом напряжении – сущность свободы, снятие напряжения – уничтожение личности и свободы. Все попытки снять это напряжение, «расслабиться», в изобилии предлагаемые современными философскими дискурсами, маркируют деградацию, ведут не к свободе, а только к регрессии обоих противоположных начал, в первобытную архаику, где нет системы, но нет и личности.

Культура, отвергающая систему под лозунгом свободы личности, уничтожает свои собственные фундаментальные основания, создавая перспективы личностной деградации. «Необходимость себя» не может отменить «необходимости дела». Социальная

практика в своих объективных закономерностях, ролевой функциональности и жестких прагматических императивах – постоянная угроза и единственно возможная опора самобытия личности.

Луман Н. Социальные системы. Очерк общей теории. СПб.: Наука, 2007. 641 с.

Giddens A. Modernity and Self-identity: Self and Society in the Late Modern Age. Stanford (Cal.): Stanford Univ. Press, 1991. 256 p.

Список литературы

Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования. М.: Academia, 1999. 956 с.

Материал поступил в редколлегию 10.10.2011

E. V. Karmazina

THE DIVERGENCE OF CULTURE AND SOCIAL SYSTEM

The paper presents an interpretation of the contemporary cultural crisis. The author sees the main causes of the crisis in the fundamental process of divergence between the culture and the social system which is based on the contradictory tendencies of personalization / depersonalization.

Keywords: social system, culture, counterculture, personalization, depersonalization, alienation.